

в тех случаях, когда мы можем ему что-то дать, мы действовали как можно быстрее и без колебаний.

В настоящее время Советский Союз придает очень большое значение максимальному сокращению срока поставок. Любое укрепление обороноспособности Советского Союза будет выгодно также и для нас. Сложные условия, которые будут изложены в сообщениях наших соответствующих промышленных предприятий, очевидно, потребуют Вашего непосредственного и эффективного вмешательства, что имеет особенно важное политическое значение, и поэтому мы оба, генерал Гусак и я, очень просим об этом.

Надеемся, что дальнейшее развитие международной обстановки не сорвет осуществления всей этой идеи и что для Вас, многоуважаемый господин президент, принесет все же меньше тяжелых забот, которые я полностью с Вами разделяю. Прошу Вас принять заверения в моей полной преданности.

Зд. Фирлингер

*AUML UV KSC, Praha, fond 39, SSSR
1938, sl. 2.*

Копия. Перевод с чешского.

¹ См. док. 290.

² См. док. 248, 263, 267, 281.

³ См. док. 293.

292

*Письмо народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Чехословакии
С. С. Александровскому о беседе с посланником Чехословакии
в СССР З. Фирлингером*

Москва

25 мая 1938 г.

У меня был сегодня Фирлингер, которому я с некоторым опозданием выразил одобрение мероприятиям чехословацкого правительства¹. Ознакомил я его также со своими женевскими разговорами², поскольку они касаются Чехословакии.

Говорил со мною на эту тему Бонне приблизительно в таком порядке.

В течение ближайших трех месяцев в германо-чехословацких отношениях должен наступить кризис, в связи с чем Франция объявит мобилизацию. Что же намерен сделать СССР?³ Я ответил, что эта проблема как будто предвиделась еще при заключении советско-чехословацкого пакта, тем не менее до сих пор Франция не проявляла интереса к возможным нашим действиям. Если Бонне имеет в виду дипломатическую сторону дела, то ему известно, какие государства отделяют нас от Германии и Чехословакии. Это — Прибалтика, Польша и Румыния. Бонне также должно быть известно, что нашего воздействия на эти страны недостаточно, чтобы они позволили нам оказать содействие Чехословакии. Очевидно, требуются более сильные дипломатические меры давления, в которых должны участвовать и другие государства. Поскольку же Бонне имеет в виду военные мероприятия, то я, не будучи военным, ничего не могу ему сказать. На мой взгляд, вопрос должен обсуждаться совместно с представителями французского, советского и чехословацкого генштабов. На замечание Бонне, что в Моск-

ве имеется французский военный атташе, который связан с нашим генштабом, я ему ответил, что, к сожалению, в Москве нет ни французского, ни чехословацкого генштабов. Бонне, вздыхая, заявил, что Польша и Румыния решительно сопротивляются пропуску наших войск, и на этом разговор наш прекратился.

Галифакс констатировал лишь, что очагами опасности в Европе являются Испания и Чехословакия. Он меня ознакомил с представлениями, сделанными британским послом в Берлине⁴, и спрашивал, как я смотрю на положение и что по-моему надо было бы предпринять. Я ему напомнил о советской декларации⁵, которая была доведена до сведения его правительства и где намечались те действия, которые мы считали единственными способными обеспечить мир. Я откровенно раскритиковал всю тактику Англии в отношении Германии и, в частности, разъяснил, что Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровские мотивировки как в испанском, так и в чехословацком вопросах за чистую монету. Англия делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев, и что стоит эти права расширить, как опасность может быть устранена. На самом же деле Гитлеру так же мало дела до судетских, как и до тирольских немцев; речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе. Такие аппетиты не могут быть удовлетворены путем расширения прав судетских немцев. В дальнейшем я развивал перед Галифаксом перспективы развития Европы в случае необуздания Гитлера, указав, конечно, на опасность, которая создастся через известное время для Великобритании. Галифакс сказал, что он подумает над моей аргументацией и что он признает за нею известную силу убедительности.

С Комненом я имел несколько бесед, но он, делая общие декларации о желании развития дружественных отношений, от конкретных тем уклонялся. Он несколько раз повторил о необходимости скорейшего приезда нашего полпреда, который мог бы следить за развитием внешней политики Румынии. Смысл этого был тот, что в настоящий момент Румыния ничего предлагать нам не может, но могут наступить обстоятельства, когда она к нам обратится, а для этого должен быть наш представитель в Бухаресте. Он также сказал, что румынская политика слишком далеко отступила от позиции, которую занимал в свое время Титулеску, чтобы можно было сразу прыгнуть вперед, и что для того, чтобы пройти то же расстояние, требуется время. Он конфиденциально рассказывал мне, что Стоядинович в Синае⁶ обязался выступить против Венгрии в случае ее совместного наступления с Германией на Чехословакию.

М. Литвинов

Нас несколько озабочивает игнорирование Румынией нашего приглашения авиационных экспертов для обсуждения организации авиалинии Москва — Прага, несмотря на то, что мы ясно дали понять нашу готовность на этот раз учесть румынские пожелания⁷. Я подозреваю здесь вмешательство Польши, стремящейся, во-первых, сорвать нашу связь с Чехословакией и с Европой, а во-вторых, вынудить нас к заключению воздушного соглашения с Польшей. Такое же подозрение высказал здесь и Фирлингер. Вам следует поговорить с Крофтой, указать ему на особую важность в нынешних обстоятельствах установления воздушной связи с Прагой и предложить ему нажать на румын и убедить их срочно выехать в Москву.

Только что ознакомился с Вашей длинной телеграммой о беседе с Бенешем⁸. Могу лишь сказать, что он неизменно верен своему оптимизму. В частности, я продолжаю сомневаться в заключении действительного союза между Англией и Францией. Подробнее останавливаться на заявлениях Бенеша не позволяет время, ибо уже запечатывается почта.

М. Л.

Публикуется по сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 41—45.

- ¹ Речь идет о частичной мобилизации, объявленной чехословацким правительством в ночь на 21 мая 1938 г. в ответ на концентрацию германских войск на границе с Чехословакией. Мобилизация прошла быстро и организованно, что свидетельствовало о решимости народа и армии оказать сопротивление агрессору.
- ² Находясь в Женеве на сессии Совета Лиги Наций, М. М. Литвинов встретился с Ж. Бонне и Э. Галифаксом 14 мая. См. также док. 283 и 295.
- ³ Как сообщал Литвинов в Москву, Бонне ставил вопрос таким образом, что чувствовалось его желание получить ответ, равносильный отказу. Он явно хотел воспользоваться таким ответом для того, чтобы Франции было удобнее уклониться от выполнения своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии (АВП СССР). См. также док. 294.
- ⁴ См. док. 283.
- ⁵ См. док. 256.
- ⁶ См. прим. 8 к док. 287.
- ⁷ 4—18 июля 1938 г. в Москве состоялась конференция представителей СССР, Румынии и Чехословакии по вопросу о воздушной линии Москва — Прага. Позиция, занятая румынской стороной, особенно в вопросе о фиксации трассы воздушной линии, не позволила достичь соглашения. 14 июля 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин заявил румынскому посланнику Диану, что, «удовлетворив желание румынской стороны о ее участии в эксплуатации воздушной линии на равных с нами и чехословаками основаниях, мы рассчитывали на скорое и беспрепятственное завершение переговоров. Оказалось, что румынская делегация проявляет чрезмерную требовательность и неуступчивость по ряду вопросов. Прежде всего она старается добиться от нас таких обязательств, каких нет ни в одной известной нам воздушной конвенции. Кроме этой дискриминационной тенденции румынская делегация настаивает на изъятии своих аэропланов и их экипажей при нахождении их на советской территории, из действия юрисдикции СССР» (АВП СССР). См. также прим. 1 к док. 41, док. 66, 160.
- ⁸ Речь идет о телеграмме в НКВД СССР от 20 мая 1938 г. о беседе с Э. Бенешем, состоявшейся 18 мая. См. также док. 287 и 289.

293

Сообщение генерального директора завода боеприпасов «Эксплозия» О. Гусака президенту Чехословакии Э. Бенешу об итогах поездки в СССР¹

Прага

не ранее 25 мая 1938 г. *

Мы имеем полное право полагать, что начало нашей попытки сотрудничества очень хорошее и что мы ввиду целого ряда причин пользуемся у них доверием. Они хотят даже столь тесного сотрудничества, которое во многих случаях предусматривало бы покупку для них лицензий и документации в тех областях, где сами они не могут хорошо производить по крайней мере сейчас.

В этом я дал (генералу Кулику, Бондарю и заместителю комиссара Ванникову²) положительные заверения.

* Дата беседы О. Гусака с К. Е. Ворошиловым в Москве.